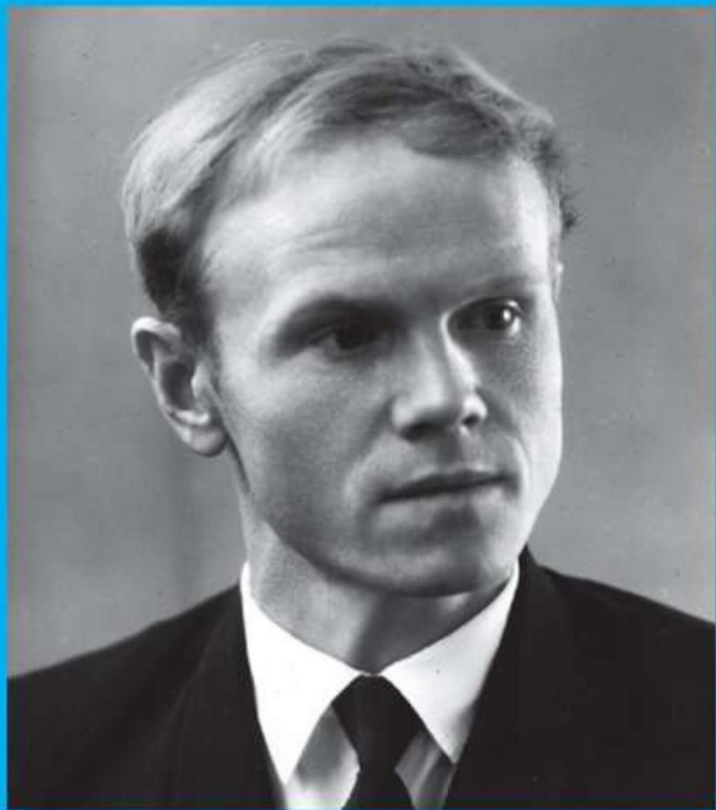

Анатолий Санжаровский
Жених и невеста
Роман

Анатолий Никифорович Санжаровский

Жених и невеста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68974212

SelfPub; 2023

Аннотация

«Жених и невеста» – роман о деревенских стариках, пронёсших через всю жизнь высокое чувство любви. Лауреат Ленинской премии Егор Исаев написал предисловие к этому произведению: «Насколько это неожиданно, настолько и знакомо одновременно. Я лично в названии повести А. Санжаровского увидел себя в далеком воронежском детстве. В этом словосочетании есть и озорное и серьезное – это как весна перед летом – да и все, собственно, в этой небольшой повести как весна перед летом, в ощущении близкой осени и зимы. Язык повести почти поговорочный – много за словом, над словом, в его глубине. Как велит язык, как велит чувство, так возникает характер. Два характера, две судьбы, но как они близки друг другу, сердцем близки. Хочется любить, верить, а это уже немало и для жизни и для писателя».

Содержание

1	4
2	13
3	18
4	24
5	29
6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анатолий Санжаровский

Жених и невеста

*Чуден свет — дивны люди
Русская пословица*

Егору Исаеву посвящается

1

*Ты бай на свой пай,
а я говорю на свою сторону.*

А я и себе не скажу, а с чего это я хожу сама не своя, а чего это пристегнулась, привязалась ко мне, как беда, одна печаль-заботушка, заслонила бел день на сердце...

Думала я, думала да то-олько хлоп кулачиной по столу.
«Будя решетом в воде звёзды ловить! Будя петъ лазаря!
Скоко можно нюнькаться?»

Надела я, что там было поновей в гардеробине, надела да и наладилась, ёлки-коляски, к своему к Валере-холере.

Иду осенним садом меж пустых, без одёжки уже, дерев, иду, а у самой сердце жмурится то ль с тоски с какой, то ль с радости с какой неясной, а только сосёт-посасывает что-то

такое вот...

Подхожу под самый под нос, а Валера мой не видит, не слышит шагу моего.

Как строгал ножичком себе на лавке у яблоньки какую-то рогульку, да так и строгает, будто и нетоньки меня.

Возле топчется Ленушка, гостыюшка наша. От деда внучку и за хвост ввек не оттащить. Такая промежду ними симпатия живёт.

Ленушка с большой осторожностью тыркает деду пальчиком в щёку.

– Дедуля! А ты колючка!

– Зарос... Ёж ежом, – как бубен бубнит дед. Уж такой у него выговор. Я привыкла, что у него самые разласковые слова падают горошинами на пол.

– Если ты ёжик, так почему тогда у тебя на колючках нету яблочков?

– Я, Ленушка, яловый ёжик.

– А что такое яловый?

– Эх, какая ты беспонятливая, – в досаде Валера перестаёт строгать. – Ну, как те пояснить? – Думает. Вскидывает бровь. – Вот что, милушка... О чужом деле что зубы обивать, когда о своём можно поговорить. Те сколько лет?

– Четыре года один месяц и пять днѐв!

Глаза у Валеры засмеялись.

– Ну, насчёт днѐв ты это брось. Говори по правилу. Дней!.. А сколько ещё часов? – с ехидцей копает дед до точности.

– Я не... знаю...

– Ты и не знаешь! Ленушка и не знает! Ну да как же это так? Ну вспомни – а дай-подай те Бог памяти! – ну вспомни вот час, когда принесли тебя из магазина.

– Сейчас детей не покупают!

– Хо! И в лотерею, голуба, выигрывают! Ежель на то пошло-поехало.

– Вотушки ещё...

– А что, они с неба, как манка, сыплются?

– И вовсе не сыплются!

– Ё-ё-ё! А откуда ж, разумщица, их тогда берут?

– Из-рожа-ют! Как сойдутся два семечка... Мамино и папино... Меня изродила сначала половинку мама. А потом половинку ещё папа!

Тут дед не в шутку дрогнул, будто его с низов шилом кто хорошенечко так поддел, и с сердцем ткнул Ленушку в плечо.

– Бесстыжка! Как есть бесстыжка! Да ты... Да ты!.. Вона каковские штуки родному деду выворачиваешь?!

– А что, неправда? Неправдушка? Ну скажи! – Девчоночка завела руки за спину, взяла одной рукой другую за запястье – мне помилуй как ясно всё видать. – Ну скажи!

– Будет рот ширить-то... Тоже мне сыскалась, знаете-понимаете, вундеркинди... И не жалаю, и не позывает с непутным дитём слова терять.

Дед сердито сызнава налёг строгать. Всей грудью навис

над ножом.

Да только ненамного его хватило. Снова пробубнил:

– Такущее отстёгивать... К каким словам прикопалась...

Эт додуматься надобно до такой вот до худой глупости!

– Сам ты это слово, – совсем нáтихо возразила Ленушка.

Девчонишка наверное знала, что Валера с глухотинкой уже. Не услышит.

Он и в самом деле не слышал ответа.

А потому продолжал нудить своё в старой линии:

– От твоего, дорогуша, бесстыдствия я слышу, как вот тут, – Валера скинул картуз, повёл мякушкой ладони по зеркально-голому темени, – как вот тут, где сто уже лет волосья вьются, что твой карандаш, я слышу, как от твоего басурманства кудри на дыбки встают и кепчонку поднимают. Эт что?

Девочка промолчала.

В крайней серьёзности она рассматривала мыски своих красных ботишков с белыми якорьками по бокам.

Старику и самому прискучила его молитва. Понял, что переборщил. Помолчал, мотнул головой. Прыснул:

– У тя, девонька, в зубах не застрянет. Не язычок... Бритва!

Совестно мне стало слушать мимо моей воли чужое.

Загорелась я было уже окликнуть мягко так Валеру, да Ленушка в торжестве большом подняла голову, глянула навкруг и выпредила меня.

– Дедушка! Дедушка! – в крик позвала. – Да ты только

посмотри, кто к нам пришёл!

Поворотил Валера голову, пустил на меня поверх плеча весёлый свой в прищурке глаз. Лыбится.

– Марьянушка, ты чё вырядилась, как та семнадцатка?

– Твоя, Валер, правда. Была семнадцаткой в семнадцатом. Я, Валер, об чём пою...

– Ну?

– Я, Валер, об старом.

Он как-то весь насторожился. Буркнул:

– Знамо... Сами давненькие... С нами и песни наши состарились. Эхма-а...

– И чего колоколотить без путя?! – пальнула я с перцем.

– Марьянушка! Да на те креста нету!

– Всё-то он видит! До коих веков, старый ты кулёк с ду-
стом, думаешь корёжиться?

– Марьянушка! Теплиночка ты моя! Утрушко ты моё чистое! Да что ж я тебе искажу окромя того, что тыщу разов уже сказывал!? Не насмелюсь... Смущаюсь я, телок мокроглазый, проклятушего загса твоего...

– Вот так услышь кто сторонний – до смерти усмеют!

– А чего ж его, Марьянушка, не смеяться? Чужая беда за сахар...

– Первенцу сыну полста! Самого за семь десяточков закинуло. А – смущаюсь идти в загс! Ну не смех? И какой только дьявол допустил тебя брать Берилин?! Иль ты и там был во-
яка – выгонял лягушек из-под пушек?

– И выгонял, посмеятельница... Всяко бывало. Только медалью «За взятие Берлина» мне не за лягушек пожаловали. И в родстве с наградным отделом армии не состоял. Ты-то уж это знаешь, как свою руку. Рядовой везде рядовой. Иль думаешь, мне по великому по знакомищу немчурёнок осколок всадил в мою решалку¹ да так, паршивец, ловко, что, суть твоя несправедная, докторский снайпер Никита сам Ваныч Фролов и посейчас не выловит? Эх ты, Марьянушка...

Жалко мне стало Валеру своего. Занюнила я.

Заплакать заплакала, а ниточку дела – вот уж где старая петля! – из рук не выпускаю.

– Знаешь же, – жалюсь, – океанический ты водяной, куда всё своротить... Я, Валер, не супостатиха какая там лихостная. Не тебе говорить... Такую долгую жизнь в общности, вкупе да влюбё, изжили, худого слова друг дружке поперёк не положили... И про загс я не затевала бы... Да знаешь, Валер, я как на духу... Ну как ты не поймёшь?.. У нас ворох ребятни. Все своими семьями живут-проживают, все через загс пробежали. А что ж мы с тобой? Иль нехристи какие? Какую ж мы им примерность даём? Оно-то, факт, вся сила не в зарегистрированной в бумажке. Бумажка поваляется-поваляется да и сопреет. Вся сила в другом... Все дети на твоей фамильности. А я одна одной на своей. Иль лютоедица я какая? Чужанка в доме в нашем?

¹ Решалка – голова.

– Какая ж ты чужичка?.. И сложит же такое в свой шалаш!²

– И сложишь... Скоко разов я звала-кликала на расписку? Не сочтёшь! А случись что... Неловко-то как! Вроде и немужняя я. Ничейная вроде как. Не хочу я такой сиротой ийти под вороний грай на дубах...

– Ах ты Господи! Она, знаете-понимаете, помирать наладилась... Марьянушка, да... Не смей ты, любушка, гусей! Золотосвадьбу отплясали. До бриллиантовой безо всяческих там загсов допрём!

– Враг с тобой, тиранозавр! Стал быть, ты и ноне не кладёшь мне согласности произвести в закон всю нашу жизнь? Стал быть, ты и нонь бьёшь клинья не пойтить?

– Марьянушка! Ну что я скажу?.. – Жёлтым от курева пальцем Валера трогает небритую щёку.

– Тогда я, молчун ты нескоблённый, искажу. Сто разов говорила я те про загс. А в сто первый – ни за какие блага! Скоко можно перевешивать старые портки на новые гвоздки?

– Марьянушка! Да ну тя к монаху! Ты чё это надумала?

В голосе у него всполох. Опаска.

– А припёк, истиранил душу – и надумала. Деньжата, хоть и малые, а тутоньки, – кладу руку к груди, где на кофтёнке у меня карманишка исподу прилажен, – до Воронежа хватя. Не пойди вот ноне – к Колюшкú уеду. Колюшóк завсегда – в ночь, в полночь – тёплыми руками встрене, за стол присогласит и соснуть даст где. Матернее сердце в детках. А и детское

² Шалаш – голова.

не в камне... Мамушка я ему, не тётка какая проезжая... А ты бóлей меня не увидишь, не заявишь только нонеча в загс. Не знаешь сам дорогу – люди добрые скажут!

И с тем пошла.

Иду я, иду, а сама глаз от слёз не разожму.

На что отважилась бабака. Может статься, в последний раз у себя на подворье. Дурочка я страшная. Уж что надумаю – костями паду, а то и сотворю.

Вышла я на свою на Рассветную аллею.

Навстречу мне люди. Говорят, смеются. Знакомый кто покажись на глаз – издаля бегу в сторонку куда. Не видали только чтобушко моих слёз...

Летала я по задам-огородам, летала-горячилась да и устала хорониться. Выправилась на тротуарчик, без вы́плачу пошла себе втиши со своей старенькой поводырькой, кривенькой клюкой, в загсову сторону; не плачу уже, а так, молчу, молчу и иду.

А благодати-то что вокруг!

В полной ясности осень добирала октябрёвы деньки.

В чистом небе жило солнышко. Воля тепла на диво крепенько так ещё держалась; вместе с тем знаешь, хоть оно и тепло, а холода подобрались уже к нашей сторонке близко, не сегодня-завтра нааявятся...

Последние листья с дерев поб́частву ложатся под ноги.

В боязни мне ступать по жёлтым от старости листочкам.

Обхожу...

Иду я себе, иду и вижу уже себя со стороны.

Вижу молодой...

2

Удалой долго не думает.

В молодые лета я была видная из себя.

На личность белая, в ладной кости широконышка да крепонька. Парубки вкруг меня хороводились, ровно тебе комары мак толкли.

А бедовая что! Неробкую душу вложил в меня Бог. По праздникам на игрищах я не особо-то конфузилась мужеской нации. Где борются, там и я. Совестно вспомнать, и самой кортело поборюкаться. Помани только какой из хлопцев – изволь! И редкий кто из одноклассников мог меня сбороть.

А затей кто из беспутных ухаживателей непотребство какое, так я оплошку не дам. Я ему, чичисбею, та-ак наобжи-маюсь, та-ак наозорую – у меня по три прилипалы нараз отворяли дверь лбами.

Только что в полные глаза взглянула я на семнадцатую на весну свою, ан чёрт сватов будто дрыном пригнал.

Они сватают – я за стенкой реву.

Они всё думали, что плачу я – так надо. Да плакала я не заради обычая. В противность был мне жених.

Росточку дробненького, так, мелочь, не короче ль лопаты. Безвидный, возглявый. Кудри, как гвозди на заборе. Там лы-

сина, хоть блины пеки.

Одно слово, хорошенькой девчоночке не на что и глянуть. А приглядишься – ревмя заревёшь: до такого степенства плюгавый был тот прасольщик Виталь Сергеич Крутских.

Клади к тому, уже и на возрасте. Под спелыми годами. Не ровня ли летами с отцом с моим. Ой! Да ну что там ровня? Ему в субботу сто лет будет! А худючий, словно чёрт на нём воду возил. Плюсуй сюда ещё... Там болезный что – морковкой его перешибёшь. Такого осталось только накадить да в гроб уложить.

Вот остались мы одни.

Недопёка смотрит на меня россыпью. Не надышится.

А во мне лютость кипит. Курица и та имеет сердце!

– Куда вам, – гну напрямки, – со свиньми плясать? Поросят подавите!

Усмехается.

Усмешшечка какая-то одинаково и укорная и искательная.

– Подковыру твою, Марьяна, я распознал... Ну что ж, обиду на Бога я не дяржу, что состою при свиньях. Такая дела. Этих с родителем своим скупаю за так, тех в три цены гоню. Научилси из песка верёвочки вить. В жизни гожается.

– Мне-то на кой это поёте?

– А на то... Какой я ни свиное рыло, как ты про мене в мыслях мыслишь, а таки ж жалается в птичий порядок. Аж-

но кричит, надоти кумекать и об своём угле, потому как, Марьяна, безо жаны, как без кошки: мыши одолевают.

Я в открытку, напрямую, кладу совет:

– Так просите у соседей кошку и с Богом!

– На что у соседей? По части кошки я сладилси с твоим с батьком. Ехать тебе со мной на божий суд... К венцу. Я тебе с первых глаз говорю: насмешеньки надо мной ты вовсе ни к чему делаешь. Муж – коренник в семье. Мужа поважать надоти.

А я и глядеть не хотела на кривоудуя на того разнесчастно-го. Да только где ж его взять силу против родительской воли? Куда родителей ветерок повеет, туда и потянешь.

– Ты, толкушка, – пушил меня после отец, – дурью особо не майся, а поголоси для порядка да и иди с Богом за своего толстокарманника. Мы бедствовали всю жизнь, жили с зажимкой, перебивались с хлеба на квас, так хотешки ты за нас поживи в довольстве. Мож, глядишь, и его шалая копейка какая ненароком к нам в хату забредёт.

В мае семнадцатого повезли нас в церковь.

Народу там – негде и курице клонуть.

До аналоя нам оставалось пройти шагов ещё так с пяток.

На тот момент возглавля мой оглянулся. Оглянулся и глядит с плеча, долгохонько так глядит, ровно тебе прикипел.

Дёрг это я его за рукав, дёрг.

– Что, – шёпот сумаю спрос, – ворону завидел?

– Не-е. Папаську твою.

– А что, ты раньше его не видел?

– Видать-то видал, да не мог и подумати, что он до таких степеней голяк. Во удумал! У чём в святилище пришлёпал... В притворе с протянутой рукой и то в одежке посправней... Да ну ты только полюбуйси, какой на ём картинный полотняный мешок, в полной мере обшорканный. А воображае, поди, на увесь фрак с иголки!

Проговорил он это с ядом и в крайней отвратности тоненько захихикал, просыпал смешки, как пшено, на доску.

Смех вышел короткий. На прасольщика навалился овечий кашель. Овечий кашель повсегда изводил его.

От злости потемнело всё у меня в глазах. Я вся как есть потерялась. И в ум не положу, быть-то мне как. А недотыка исподтиха знай стегает своё (батюшка всё не выходил).

– За тобой, – долбит долотом в самую душу, – папанька дал – воробушек больша в клюве снесё. А ничего... Не внапрасну ж к недобру был вихорь с пылью навстречь нашему поезду... Знашь, как встарь в нашенской, в воронежской, сторонушке муж жане говаривал? Я царь, а ты моя тварь! Вона какие роля пораздаст нам нонеча венец!

Кажется, подо мной ноженьки лучинками так и хрустнули. Слова сказать не скажу, ровно мне Бог и языка никогда не давал.

Отпустила беда язык, я и пужани дурным голосом:

– Ах ты гробовоз!.. Да венчайся ты вон с им! – тычу в

обомлелого попики, что спешил к нам. – А я не тва-арь!

Содрала я с себя фату и только шварк её прасольщику на пролысину да вдобавки та-ак толкнула – шмякнулся он батюшке к ногам.

Батюшка раскинуть руки раскинул, а поймать-таки не словчил.

Видит мамушка такой мармелад – плохо с ней.

Отец поддержал её. Но, завидев, что наладилась я продираться сквозь толпу, как нож в масле, к белому к свету в выходе, ударился за мной, спокинул родительницу на наших соседей.

Уже на паперти заарканил за волосы и ну волочить назад. А из себя отец здоровила. Одно слово, мужик-угол. Там силищи что!

– Не дури, дур-ри-ца! Не дури-и!..

Рванулась я что силы Бог дал – остался отцу в кулаке хороший пук моих волос.

3

Все люди свои, да всяк себя любит.

Дома, раздеваясь, подрала я с себя всё венчальное не на мелкие ли мелкости да и шась на чердак почти в чём мать на свет пустила.

Кинула на доски старое своё полинялое платишко, легла к щёлке в потолке, смотрю, что за страхи сейчас пойдут.

А у самой крошечный ад на душе.

Примчался первым, держа обувку в руках, как и я, отец.

Громадина, он по-паровозному яростно сопел.

Всё лицо, шею усыпали гроздьё пота.

Прямо с порога взял отец в угол. К воде.

Поднял перед собой полное ведро. Припал пить через край.

Вследки объявился тут белей белого прасольщик.

– Бо-ожечко мо-о-ой... – застонал плюгаш, когда увидал посередке комнаты взгорок тряпья. – Ой и лютое семя!.. До чего ж буявая... Ну не хошь – ну и не хошь! А на что ж наряд губить дорогоущий?!

Отец поставил ведро назад на лавку, рядом с кружкой, крякнул в сочувствии и извинительности.

Покосился на ту возвышенку:

– Дурь из моей крови пересосала...

– Оправдательность тожа... Тут весь баштан³ в ставку идет! Вот чего, папанюшка... Жаних, как это обычаем ведётся, берё своей любви к венцу три вешши. Я не три – все тридцать три ухватил! Не постоял за тышшами! Вырядил, как королевешну, усю в шелка! А что я, лоб в два шнурка, извиняюсь, вижу? Какое благодарствие? Такие разбросы в капитальстве я не потерплю... Ну, хорошо, ты напрочь несогласная. Драть-то на кой?! Я этому добру не дал бы пропасти пропадом, в хозяйстве сгодилося ба, пошло б в службу всё... Доведется ж мне жаниться когда-никогда ай нет? Я б тогда, старая ты кочерга горелая, приглядывал ба бабу по ейной статности, всё чтоба в подгонку за милую душу! А то большого ума дала! Подрала... Бандитствие какое... А беду эту ты сплёл. Всё лисил на все четыре ветра кто? Кто рассыпался мелким бисером: стерпится – слюбится, слюбится – полю-юбится? Кто? Ну кто, голь ты перекаткина? А?

Крутских поддел лаковым носком тряпичное крошево. В жалости хохотнул:

– Мда-с... И стерпелось, и слюбилось... А ловко таки споймал ты мене на золоту удочку!

– Ка-а-ак это?

– А так! Кончай мне спектаклю чертоломить. Думаешь, у меня кисель в коробке, и я не знаю? Не ведаю? Да под тобой, старая ты вожжа, я землю на аршин наскрозь вижу! – Крутских хлопнул себя по тощей коленке, притопнул: – Враки,

³ Баштан – голова.

мил тестюшка, что портют воздух раки. То балуются рыбаки-и! Ясно? На такое беспутствие, – Крутских снова пнул комок из венчального обмундирования моего, – ты её сам и подбил!

– Виталь Сергейч! Спомилуйте! – в растерянности отшатнулся отец.

– Дожидайтесь!.. Всякая вот вошь так и норовит содрать с тебе... Думал, пустырь, на венчальном ералашном игрище разживёшься, набьёшь мошну? Чёрта кудрявого! Да ты мне через судействие всё моё на эту вот на ладонушку, – Крутских в невозможной ярости долбил указательным пальцем в узкую, могилкой, ладонь, выставленную у отцова лица, – всё как есть и возвёрнешь! Всё! До волоска!.. До ниточки!.. До сориночки!..

Я приставила к щёлке дулю.

Отец тяжело тянул носом.

В виноватости всё ниже опускал голову.

– У мене, – разорялся Крутских, – кулак не дурак. Я с тобой не собираюсь изюм косить. Как счас дам в ухо, – он вроде того даже примерился на замашку, – так и зазвенить!

Отец несмело перенёс тело с ноги на ногу.

Глухо сронил:

– Вы, Виталь Сергейч... языком-то играйте... А руками в рассуждение... не входите, милостиво прошу... Не погубите, Виталь Сергеич... Помилуйте, Виталь Сергеич... – и повалился сморкуну в ноги.

– Так-то оно ловчее, сподручнее будет, – потеплел голос у прасольщика.

Он поощрительно постучал ногтем по отцову плечу.

У меня всё так и оборвалось.

Сраму-то что! Тереть коленки перед этим плюгавиком...

Коленки что? Душу в грязи перед кем ватлатъ?

Я хочу крикнуть отцу: «Встань!» – голоса своего дозваться нету моченьки. Рот разевать разеваю, а голос нейдёт.

Но отец и сам понял, что лишку дал.

В тот самый миг, когда Крутских тыкнул ему пальцем в плечо, у отца дрогнули желваки. Отец поднял на михрютку долгий пристальный взгляд, будто припоминал что, и медленно наладился подыматься, не сываяючи решительного взора с прасолова лица.

– А Виталь вы наш Сергейч, а на что ж это сваливать всё на один загорбок? – Отвага, твёрдость напитали голос отца. – Мне един нонешний денёк год на кости накинул – и я ж кругом виноватый... Оно, конечно, по чужим ранам да чужим салом мазать неубыточно. А вы всё ж раскиньте умком-то... Я ль стараньем дела не замешивал? Я ль родительской власти тут не положил? – Отец зверовато чиркнул взглядом по яркому комку моего подвенечного дранья на полу и протянул прасольщику клубок моих волос, что даве выдрал на паперти.

Крутских отшагнул, свёл руки за спину. Из-подо лба поглядывает с пугливым любопытством на мои космы.

Отец не убирал протянутую руку с космами. Ломил своё:

– Я ль беду нашу плёл? А? Вот теперько скажите по чести-совести...

– Мда-а... Хорошо с берегу на гребцов смотреть, – мирно, как-то уступчиво, что ли, отвечал Крутских. – А тут сам в гребцах. И ума не дашь-то...

В досаде отец запустил мои лохмы под лавку с водой.

Крутских мягко, в снисхождении посмотрел на отца.

Без старого, матёрого зла в голосе пожаловался:

– Насмешку какую ить надоти ей исделать? А?.. Ну, обязательно надоти? На всю жизньюку пятно... Ить теперича куда ни понеси меня ноги, всякий зубоскалина-шмаровоз бухне в спину, что каменюкой в воду, с полным издевательством: «Во пошёл! Во!.. Эт вот этого чуть было козырь-девка не обвенчала с батюшкой!»

– Ну-у, так и всякий... Умный смолчит, а дурик ну раз скажет, ну два. А на третий и дурику наскучит про одно и то же сарафаниться. А там жизнь под другого под кого фокус поядрёней подкатит и про нонешнее про наше выронят как есть всё из памяти.

– Жди, так и выронят, – засомневался Крутских.

– В обязательности выронят! В жизни, Виталь Сергеич, как на долгой ниве, не такое случалось. А одначе быльё бра-ло.

Отец посмотрел прасольщику в глаза, угодливо осклабился:

– Ничего, Виталь Сергейч. Дальше земельюшки ещё никто не упал... Вы плотно к сердцу не кладите нонешнюю египетскую казнь. Я подо что клин бью... А чего бы нам ещё разок да не попробовать с Марьянкой, с этой пресной шлейей?.. Может, всё у неё от случая?.. Ну-у, муха там какая под хвост попала... Да мало ль с чего шашнадцатигодовая тёлка вскинется на дыбошки? Много ещё в девке блох... С бусырью... С сырцой... И куда только её черти угнали? – Отец оглядел комнату. Послал взгляд в сад за окном. – Вот бы нараз найти её да всем втрёх и переговоры переговорить...

Крутских защитительно, крестовкой, сложил руки на груди.

– Никаковских разговоров-переговоров! Никаковских! Анафема ешь мои расходы! Я себе вот что вбубениваю: «Ешь, Виталь Сергейч, солно, пей горько: помрёшь – не сгниёшь и будешь лежать, как анафема». А женишонкаться... А обжаниться, ежли прижмё ещё на ком, так вспомню, раздолбайка, нонешнюю срамотишшу и ни ногой к бабьему к молодому духу!

Крутских обежал и ощупал полохливыми глазками стены, будто я могла сквозь них войти, и живой ногой уёрзнул из хаты.

Прямо страху в глаза и страх смигнёт.

Подшагнул отец к окну и мрачным взором провожал Крутских.

В стреху я видела, как прасольщик шёл-бежал прочь без оглядины.

Крутских вовсе пропал с глаз.

А отец всё стоял столбом, сцепил руки на груди.

Может, так и простоял бы с вечность у окна, не зацепись краешком глаза за вожжи в плетне. Минуту какую с дивом смотрел на вожжи, будто звал из памяти что. Шлёпнул себя по лбу ладоницей.

– То-то, Михайло, девка коники выкидывает – вожжи у тебя шибко новёхоньки, раскидай ты в раны! А вот и вожжам настал работный час!

Под тяжёлыми руками оконные створки пошли в стороны. Отец прыгнул в сад.

– Ну теперь, невестушка, посчитаемся – твердил малым угарным голосом и наматывал вожжи на ведёрный кулак. – Пригладим в аккурат всё, что ты там глупо связала.

Свиристельное отчаяние повело к риге, от риги к амбару, от амбара к хлеву, от хлева к курятнику.

Распахнул курий домину – бегом одурелыми гляделками

по жердинам.

С досады саданул кулачиной в кулачину. И на насесте нету Марьянки!

– Мать! – во весь рот шумит мамушке. Мамушка возвраталась из церкви, только вот притворила за собой калитку под навесом. – Мать! Там околь двора не видала где нашу шутоломиху?

– Окромья сраму околь нас нонь никто не ходит...

Сказала мамушка это, ойкнула и закрыла лицо руками. Пришатнулась к плетню.

Сильный плач заколыхал тяжёлое тело.

Не стерпела я, не удержала слезу...

Реву, а сама кулаки в рот, чтоб голос мой не сказал отцу, где я.

Из-под стрехи вижу: подбёг сам к мамушке, взял за плечи, ведёт к дому. У порожка пихнул под неё стулку.

– И чего, – пробубнил, – убиваться его так?

– Ой, Миш, ну-у... – Мамушка залилась ещё горше того.

Сверкнул отец шалыми глазищами.

– Ну вой, вой! Я ль запрет кладу? Вой!.. Всё какой-никакой наваришко. Баба плачет – меньше ссыт!

Как-то разом мамушка срезала силу в голосе. Потишала.

– Э-эх, – укорно покачала головой. – Какой ты, Миш, был на язык бандит, так такой и закаржавел.

Только тут мамушка разжала глаза от слёз – разглядела, что за штука бугрилась у отца на руке.

– Это чего будет? – шлёт вопрос.

А сама не без страха пальцем на вожжи кажет.

– Свадебное подношение принцессе твоей Крутилки-Мутилкиной!

– И-и! Чего, старый горшок, удумал. У нас в роду никто ребятёнков и пальцем не трагивал!

– А я вот возьму и пальцем трону, и вожжой так нагладю глянец... Запомнит до снега в волосьях! А то мы с ей, понимашь, панькались. А она, цаца, эвона каки шишки стругая!

Вбежав в избу, отец вышвырнул на крыльцо подвенечную одёжку, к чему заступница моя мамушка не показала даже и любопытства.

– Вишь, как маленька собачка лая. От большой слышит! Всё твоя школка!

– Где моя, там и твоя.

– Да-а... Шишки свои делить со мной на ровнях тебя не учи. Что матке, что дочке пальца в рот не занасивай. По локоток отхватят! С родителей хлеба такую дочунюшку спроста не скинешь долой.

– Оно, Михайло, не грех какой год и уждать...

– А чего манежить? Ну чего? Тя когда ссадили на мой кусок?

– Так то меня.

– Ну и она не медалька на шее. Недолго думала, да скоро спровадила какого...

– Вот именно какого. Про него и слово путное не живёт, –

уже твёрже как-то выговорила мамушка. – А что при капиталах... Оно и через золото слёзы льются!

– Ты-то что коготки выпускаешь? Видал, с кашей нас не съешь! А я так скажу... Муженёк хоть с кулачок всего, да за мужниным плечом всё затишок... Не спущу ей этот выбрык. Вожжи в ниточку исхожу!

Я себе и сейчас не скажу, как это насмелилась я откинуть люк.

Спустилась в сенцы. Подошла к открытому окну.

– Ну видала ты эту лихостную небожительку? – опешил от неожиданного моего появления отец и спрашивает мамушку: – Ну какую ты кару ей дашь? Га?

– Отец... Да... Ну... – тише воды, невсклад, что твоя борозда бороздит, еле спихнула я с языка крайние слова. – Отец...

Я не знала, как и говорить, но говорить надо было.

Я повторила:

– Отец...

И прислушалась к своему голосу.

Кажется, силы, решимости в голосе набавилось.

– Отец, я сама себе... кару подобрала... Хотите – верните его... Я пойду... Только не бранитесь... Что ж вы стоите?

– Она ещё указы будет мне указывать! – без давешней свирепости громыхнул отец, с чего я взяла, что со своим стыдным венчаньем шатнулся он на попятный дворок и что одно

пустое самолюбие велит ему вздорным шумом прикрывать отход. – Надо – беги да ворочай сама того увечного копеешника. А мне с им не вступать в закон!

5

*И крута гора, да забывчива, и лиха беда, да
избывчива.*

Года ещё с четыре тужила я одна, как верста в поле.

Правда, парни не на каждом ли углу распускали передо мной перья. Только давала я всякому скорый отлуп: никого и на дух мне не надо.

Какой ни подойди – во всяком мерещился прасольщик и всё тут, хоть ты что...

Времечко отмягчило душеньку мою.

Подросли и мои деньки красные.

Вот скажи кто загодя, что поведусь я с Валеркой Соколовым, – я б тому бестолковку⁴ оторвала и в глаза бросила б...

Полюбить можно стороннего кого, рядили у нас в Острынке меж собой девки. А кто ж любит соседа? Ну какой интерес? Всё ж про человека знаешь с той самой поры, как знаешь и себя...

Валера был ровня мне годами.

Росли мы друг у дружки на видах. И что в особенность, до последней поры я и голоса его толком не знала: Валера

⁴ Бестолковка – голова.

всегда молчал, как кол в плетне.

Что ни вечер Валера засылал поверх плетня к нам на подворье голодные глаза свои. Ждал-выждал меня.

Отец был как-то в добром духе, завидел его и с боевым донесением ко мне:

– Смотри, явление первое: те же и Валерьян с балалайкой, – и засмеялся, картинно тронул стрелку вислого уса. – Только каким вот будет явление второе?

– Поживёте – увидите...

– Это что ж он ищет-то у нас?

– Зашедшее солнушко.

– А ты куда собираешься?

– Тож искать зашедшее солнце.

– Ой, девка, смотри-и, как ба я вам все двадцать четыре света не показал в одном окне... Не бывало ещё такого, что и коза сыта, и сено цело. Сама знаешь, не люблю я в кулак шептать. Если что, мигом протру ему гляделки. Я с этим молчуном жив не расстанусь!

– Напугал коня овсом! Да мы с тобой и подавно не собираемся расставаться.

– Ты на что намёк кладёшь? Иль налаживаешься за него?

– А какая станет ходить впросто так?

– Ну-у, решай сама. Я теперя в твоём деле сторона.

– Не думай. Всё сольётся в лад. И комар носа не подденет.

Вся-то я – птицы ком, лечу к Валере.

А мамушка не в час и останови:

– Где ж ты, девонька, со стыдом со своим разминулася?!

Что ж ты так несёшься к милости к своей ... На вожжах не удержишь!? Иль у ты соображаловка ключьями набита, что так воткрытую льнешь к нему, как шелкова ленточка к стене?

– А взакрытку я не умею! Потом, потом, ма... И про стыд, и про ленточку!

В спину, вдогон мне, шлёт мамушка вздох:

– Побежала... И горюшка мало... Только и воску в свечке, что Валерка...

Как пуля из ствола, вылетела я из калитки.

Побрались за руки да и под потёмочками за дома, за огороды – в лесок в Остренький наш.

А что темнёненьки вечера в лесу...

А что горячи поцелуи милого...

А что злой хмель-яд лился с жарких губ...

Либо петля надвое, либо шея прочь.

Весна тащила по реке блинчатый лёд. Вела к нам из заморья птичьи тучи.

У весны свои хлопоты, у нас свои.

Да такие, что духом и не скажешь. Носила я уже под сердцем живой подарочек дней наших красных...

Раз стирала я с мамушкой.

Мамушка всё у корыта бьётся, а я никак в самую в стирку не войду. Нетушки моих сил и всё, ровно у меня руки отболели, как у ленивки.

Подам то одно, то отнесу другое, то кину-развешу что...

Развешиваю бельё в саду на верёвке, развешиваю и вижу на себе – а была я одета по-лёгкому – полохливые мамушкины глаза.

Перестала я вешать. Смотрю на неё.

Мамушка и шепчет исподтиха, с секретом таким в лице: – Марьян, а чего это ты выставила кузов – хоть блох колоти?

Дрогнула я вся, будто ток меня прошил.

Но не потерялась вовсе. Взяла на себя вид дурашливо-развесёлый. Отвечаю в ответ:

– Справная стала. Надо быть, с толстых харчей.

– Ох, ломака, не вали на харчи... Повсегдашно харчи шли тебе не в корм коню... – Мамушка весь век навыверт кладёт эту прибаску. – Не пихай мне грешных мыслей в голову... Ты убери его... чё ли... Подбери...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.